

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СМЫСЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТАФИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ КЛАДБИЩ ПЕРМСКОГО КРАЯ) ЧАСТЬ II

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Статья продолжает начатое в первой части исследование кладбищенской поэзии, но сужает объектный фокус до собственно фольклорных эпитафий. Представлен денотативный анализ народных произведений, обращенный к категориям «пространство», «время», «субъект». Делаются наблюдения над тематическим распределением лексики по данным категориям, высвечиваются связи денотативного пространства с эмотивным и концептуальным содержанием, определяется тип мировоззренческой модели текстов.

Ключевые слова: лингвокультурология; городская культура; смерть; эпитафия; письменный фольклор; денотативное пространство; концепт.

Предпринятое в первой части статьи исследование стилистических разрядов провинциальных эпитафий показало, что по типам авторства и жанровой функции тексты кладбищенской поэзии могут быть распределены на четыре группы: 1) фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является исходной; 2) фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной; 3) авторские тексты, для которых эпитафийная функция является исходной (наивная поэзия); 4) авторские тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной. В анализе денотативного пространства эпитафий мы сосредоточимся только на первой группе – собственно фольклорных текстах, поскольку имеем для этого ряд смысловых оснований.

Во-первых, фольклорные эпитафии представляют наиболее многочисленное собрание в корпусе надписей, составленном на основе натурных обследований пермских кладбищ.

Во-вторых, широкая представленность текстов в интернет-пространстве, их бытование в виде многочисленных вариантов и основная функция, связанная с обслуживанием похоронной сферы, – все это позволяет рассматривать письменный фольклор как ядерную структуру современного эпитафийного дискурса, которая задает «нормативный стержень» для иных текстов, адресованных мертвым. Благодаря этому тексты фольклорных эпитафий наиболее удобны для сопоставления с региональной народной речью в области символических смыслов – как феномен городской народной культуры по отношению к традиционной культуре сельско-деревенского быта.

Денотативное пространство фольклорных эпитафий обладает несомненной значимостью для характеристики ментальной категоризации мира представителей городской культуры. «Здесь, в этих надписях мы знакомимся с мирозерцанием классов в области эсхатологических вопросов» [1. С. 359]. Простота и тривиальность семантического содержания текстов только укрепляют положение письменного фольклора в числе источников, содержащих сведения об обыденном сознании современников, поскольку «понятие тривиальности предполагает понятие массовости» [2. С. 32].

Сделаем важное дополнение. Анализ содержания эпитафийных текстов, выполненный на материале общего корпуса (без стилистического разделения), вряд ли можно признать убедительным с точки зрения конвенционального декодирования знаков, составляющих поле похоронной культуры. Так, с одной стороны, в наивных эпитафиях есть элементы индивидуально-авторского стиля, прочтение которых определяется помимо прочего знанием предтекстовых пре-суппозиций: времени написания, личности автора, его мотивов, материальных возможностей, наличия или отсутствия опоры в виде иных эпитафийных текстов и т.д.¹. С другой стороны, отрывки из авторских текстов в эпитафийной функции могут привлекать за собой весь комплекс ассоциаций, связанных с произведением, к которому они относятся, например, образ исполнителя песни, сюжет фильма, в котором она прозвучала, автор текста как авторитетная персона и т.д. Соответственно, попытки «усреднения» эпитафийных текстов в семиотическом плане (как, например, [3]) не несут понимания структуры ментального пространства и специфики образов, проявляющихся в плоскости письменного фольклора.

Продолжая эту логику, заметим, что при всей художественно-изобразительной схожести фольклорных и наивных эпитафий, а также авторских текстов, используемых в этой функции, разница в символическом содержании ощутима. Вероятно, она не слишком бросается в глаза, когда мы смотрим на характер частотной лексики текстов (поскольку количественные расхождения могут быть объяснимы объемом самих стилистических разрядов, представленных в Приложении):

– фольклорные эпитафии: *ты*⁶², *мы*⁵², *быть*²¹, *жизнь*¹⁸, *наш*¹⁸, *любить*¹⁶, *живой*¹⁵, *родной*¹⁵, *память*¹³, *простить*¹², *сердце*¹², *боль*¹¹, *твой*¹¹, *тот*¹¹, *жить*¹⁰, *уйти*¹⁰, *скорбеть*⁸, *рано*⁷, *кто*⁷, *всегда*⁶, *вы*⁶, *нет*⁶, *остаться*⁶, *помнить*⁶, *слово*⁶, *дорогой*⁵, *любимый*⁵, *смочь*⁵, *весь*⁴, *вечно*⁴, *вечный*⁴, *выразить*⁴, *глаз*⁴, *добрый*⁴, *измерить*⁴, *милый*⁴, *мир*⁴, *он*³ (*она*¹), *печаль*⁴, *скорбь*⁴, *слеза*⁴, *спасти*⁴, *спать*⁴, *сыночек*⁴, *верить*³, *видеть*³, *вместе*³, *голос*³, *земля*³, *излить*³, *покинуть*³, *разлука*³, *рана*³, *светлый*³, *слышать*³, *спокойно*³, *стать*³, *так*³, *цветок*³;

– авторские тексты в функции эпитафий: *ты*⁸, *быть*⁷, *вы*⁷, *мы*⁷, *мой*⁶, *жить*⁵, *тот*⁵, *верить*⁴, *еще*⁴, *любить*⁴, *один*⁴, *он*² (*она*²), *память*⁴, *уйти*⁴, *учитель*⁴, *этот*⁴, *весь*³, *говорить*³, *душа*³, *живой*³, *кто*³, *лишь*³, *сердце*³, *так*³;

– наивные эпитафии: *ты*¹³, *быть*¹¹, *мы*⁶, *всегда*⁵, *любимый*⁵, *помнить*⁵, *скорбеть*⁵, *твой*⁵, *память*⁴, *сердце*⁴, *вы*³, *добрый*³, *жить*³, *мой*³, *нет*³, *остаться*³, *уйти*³.

Но когда мы осознаем долю частотной лексики в общем словесном объеме эпитафий того или иного рода, то специфика организации лексического со-

става наивных произведений и авторских текстов в эпитафийной функции (по сравнению с «конституциональностью» фольклорных) становится очевидной (рис. 1).

Что касается сути метода, то анализ денотативного содержания фольклорных эпитафий сводится к выявлению текстовых универсалий – «пространство», «время», «человек» [4. С. 85–122]. Процедура их характеристики предполагает определение и семиотическое истолкование круга лексики с соответствующей предметной отнесенностью – пространственной, временной, субъектной.

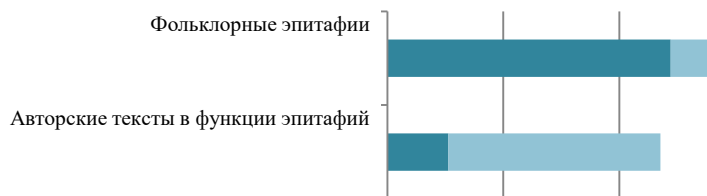

Рис. 1. Доля лексических повторов в корпусе эпитафий

Категория пространства в эпитафийных текстах

«Пространство» в эпитафиях раскрывается в двух оппозициях: верха и низа, реального и идеального. В основе вертикальной ориентации лежит противопоставление земного и небесного мира, соответственно соотносящихся с обиталищем людей и прибежищем душ: «Одним цветком **земля беднее стала**, | Одной душой богаче стали **небеса**» (26), «Пускай, дорогой | За **небесною** дверцей | Ничто не тревожит | Твой вечный покой...» (33), «В безутешной печали **земной**» (34), «Добрый парнем ты был на **земле**» (35), «Сыночек милый наш, прости | За все **земные** твои муки» (36). Через тот же модус человеческого и духовного существования реализуется противопоставление реальной действительности и идеального мира: «Вы жизнь нам в **этом мире** дали, | В **другом** покой вы обрели» (3), «Не верим мы, что ты ушёл так рано. | В **мир иной**, где суждено всем **быть**» (18), «**Мир** почернел, свет потускнел» (42), «В **безмолвном мире** спи спокойно» (43), «Уходят туда, где есть **город – мечта**» (49).

Дуальная организация пространства, воплощенная в бытийных категориях реального и идеального, совсем не объясняет его вертикального измерения. В триадичной конструкции мира, характерной для эсхатологии, собственно нижним является мир подземный – посмертное место пребывания грешников. Но упоминание о нем в похоронном дискурсе (и в эпитафиях как одной из форм его реализации) табуировано – и, соответственно, лексически не маркируется в текстах².

Земное, или реальное, пространство запечатлено в эпитафиях точно: единственным его локусом является место захоронения – **могила**: «Мы приходим сюда | Чтоб цветы положить» (14), «К тебе, отец, приходим на свиданье | Советоваться в счастье и беде» (41). Среди локусов небесного, или идеального, пространства отмечаются символическое поселение умерших – **город**: «Уходят туда, где есть **город** –

мечта» (49) и символическое жилище – новый **дом** усопшего: «Пускай, дорогой | За **небесною** дверцей | Ничто не тревожит | Твой вечный покой...» (33).

Земное пространство представлено как мир живой и, реже, неживой природы: «Одним цветком **земля беднее стала**» (26), «Теперь для вас я ветром стану, | березкою, травинкою, цветами. | Погладь их мама, это я, навек с тобою боль **твоя**» (51). Небесный мир наполнен космическими телами, излучающими свет: «Где горит та звезда и ведет туда» (49).

Нулевой лексической коррелят представляет собой категория персонажей и признаков земного пространства по отношению к пространству небесному. Будучи населенным божественными существами («И где ангел душу излечит» (49)), небесное пространство предстает для мертвых как место безмолвия, сна и покоя: «В **другом** покой вы обрели» (3), «В **безмолвном** мире спи спокойно» (43).

Путь из мира живых в мир мертвых описывается исключительно как «пеший»: «Ушли, оставив след печали» (3), «Вы ушли из жизни, а из сердца нет» (5), «Не верим мы, что ты ушёл так рано» (18), «Ушёл так рано, не простившись» (22), «Как рано ты ушел от нас» (23), «Уходят туда, где есть **город – мечта**» (49) и т.д. Вектор движения также исключительно однонаправлен, а границы между мирами нерасторжимы: «Мы знаем, тебя невозможно вернуть» (13).

Категория времени в эпитафийных текстах

«Время» в эпитафийных текстах подается преимущественно как однонаправленное движение событий – линейное время. Обращают на себя внимание некоторые привычные для похоронного дискурса закономерности, например, вытеснение в план прошлого обстоятельств жизни, действий и качеств покойного: «Ушли, оставив след печали» (3), «погиб **любимый** и родной» (15), «Ты жизнь любил, спешил, не ведал **страха**. | Добился в жизни всего сам. | Работе и се-

мье ты посвятил себя недаром» (22), «При жизни с нами ты была так мало!» (26), «Ты был для нас пример для подражания» (41), «Ты всех любил и песни пел» (42) и т.д.

Напротив, чувства, память и состояния скорбящих выражаются в плане настоящего: «Любим тебя, гордимся тобой» (10), «Не верим мы, что ты ушёл так рано» (18), «Какой становится невыносимой мукой | Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет» (27), «Светлый образ твой свято храним» (34), «Прости, что нет тебя, а мы живем, | Глотая слезы горькие разлуки» (36). Будущее также соотносится с душевным состоянием создателей послания: «Любовь к тебе, родной сыночек, | Умрёт лишь вместе с нами» (12).

При этом и настоящее, и будущее время теряют конкретные характеристики и подаются как факты постоянной природы. Языковая репрезентация этих значений осуществляется благодаря лексическим маркерам **вечно** «БУДЕМ ВЕЧНО ЛЮБИТЬ» (2), «Вы вечно живы в памяти любимых!» (4), **вечный** «Но вечной будет память о тебе» (7), **всегда** «Всегда ты вместе с нами» (1), «И в памяти нашей всегда ты живой» (11), «В сердцах и памяти всегда ты с нами» (19), «Но память о тебе в сердцах у нас всегда...» (26), **навсегда** «Ты с нами будешь навсегда» (8), «В душе у нас ты навсегда» (37), **постоянно** «Но светлый образ твой родной, | Мы будем помнить постоянно» (25), **никогда** «Мы не забудем никогда!!!» (29), **навек** «Ты жизнь свою прожил достойно, | Оставив память нам на век» (43), «это я, навек с тобою боль твоя» (51), **сколько б лет ни прошло** «Сколько б лет ни прошло – | Любим, помним, скорбим...» (6).

В некоторых случаях абстрактно расширенные значения настоящего и будущего имеют предельность, соотносимую со временем жизни родных и близких умершего – ср. «Пока мы живы – с нами ты» (50). В чем, на наш взгляд, обнаруживается идея сопряжения вечности и жизненного века – не отдельного человека, но семьи, рода – «своих». Существо идеи отсылает к утверждению взаимосвязи живых и мертвых и пониманию вечности как христианского образа тварного мира [5. С. 848–850].

Наряду с линейным представлением времени можно выделить элементы циклической модели, предполагающей идею возвращения умершего в реальный мир посредством новых ипостасей: «Теперь для вас я ветром стану, | березкою, травинкою, цветами» (51). И все же эта модель, имеющая языческие истоки, значительно уступает линейной.

Категория субъектов в эпитафийных текстах

Уровень субъектов является доминантным в текстовом воплощении по сравнению с обозначенными выше категориями. Об этом говорит уже тот факт, что дейктические номинации субъектов количественно преобладают в лексическом корпусе рассматриваемых текстов – ср.: **ты**⁶², **мы**⁵².

По сути дела сами эпитафии служат формой письменного высказывания одной из сторон ритуального акта. Ими обслуживаются социальные (и, как следствие, речевые) роли участников похоронного или поминального действия [6] – в широком смысле взаи-

модействие между живыми и мертвыми в ситуации кладбищенского контакта. При этом посмертные высказывания чаще осуществляются от лица живых (1–48, 50). Обращения со стороны мертвых (51), как и афористичные стихи без четкой субъектной позиции (49), обнаруживаются в несопоставимо меньшем количестве.

«Живые»

Структура образов субъектов имеет значительные расхождения. Обобщенный портрет «живых» строится преимущественно за счет характеристики эмоционального, душевного, состояния. Позиция «мы» обрисована прежде всего чувствами **любви** «Любим тебя» (10) «Любовь к тебе, родной сыночек, | Умрёт лишь вместе с нами» (12), «Тебя наш папочка любимый | Мы не забудем никогда!!!» (29), **скорби** «И нашу боль, и нашу скорбь | Не выразишь словами...» (12), «Скорбим, что жизнь | была короткой» (32), **печали** «Не выразишь словами всей скорби и печали» (19), «В безутешной печали земной» (34) а также **гордости** «гордимся тобой» (11) и **тоски** «Ушли, оставив след печали, | Порывы скорби и тоски» (2). В ряду отрицательно окрашенных чувств отмечается **вина** перед усопшим, вызванная беспомощностью в преодолении разного рода обстоятельств: «Прости, что не смогли помочь. | Прости, что не смогли спасти | Сто тысяч раз тебе за все | прости, прости, прости...» (30), «Сыночек милый наш, прости | За все земные твои муки. | Прости, что нет тебя, а мы живем, | Глотая слезы горькие разлуки» (36).

Переживания «живых» передаются лексикой со смыслами не только нравственного страдания: **горе** «И безутешно наше горе!» (42), но и эмоционально-физического: **боль** «Как трудно подобрать слова, | Чтоб или нашу боль измерить» (8), «И нашу боль, и нашу скорбь | Не выразишь словами...» (12), «Нашу боль не измерить | И в слезах не излить» (16), «И боль свою от той потери | Не залечить нам никогда» (37), «это я, навек с тобою боль твоя» (51), **рана** «И в сердце боль от нестерпимой раны, | которую ничем не излечить» (18), «СПИ, РОДНОЙ, ТЫ НАША БОЛЬ И РАНА | ПАМЯТЬ О ТЕБЕ ВСЕГДА ЖИВА...» (48), **мука** «Какой становится невыносимой мукой | Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет» (27). Среди внешних проявлений эмоциональных состояний отмечаются **слезы**: «Нашу боль не измерить | И в слезах не излить» (16), «Глотая слезы горькие разлуки» (36).

Когнитивные качества «живых» выведены в два фокуса: **памяти** «Любим, помним, скорбим...» (6), «И в памяти нашей всегда ты живой» (11), «В сердцах и памяти всегда ты с нами» (19), «Осталась память – но она не лечит» (29) и **неверия в смерть** «Нет! Нет! Всегда ты вместе с нами» (1), «Мы можем в смерть твою не верить» (8), «Тебя уж нет, а мы не верим» (37).

В целом, когнитивно-психологические установки «живых» вырастают из отказа признавать смерть близкого человека. Множественные отрицания потери «Вы не ушли, хоть преданы земле» (4), «Кто дорог, тот не умирает» (9), указания на невозможность ее

принятия «НЕПРАВДА!!! | СЫН НЕ УМИРАЕТ!!! | ОН, ПРОСТО, | ВМЕСТЕ С НАМИ | НЕ БЫВАЕТ...» (21) или переживания «НАШУ БОЛЬ НЕ ИЗМЕРИТЬ | И В СЛЕЗАХ НЕ ИЗЛИТЬ» (2), «И нашу боль, и нашу скорбь | Не выразишь словами...» (12) – проявляются как следствия психологической защиты. В этом ключе эпитафии могут рассматриваться как психологическое средство саморегуляции через письменное высказывание.

«Мертвые»

Субъектная позиция покойного в эпитафиях, в отличие от «живых», как правило, лишена множественности. Посвящения двум лицам достаточно редки: «Вы жизнь нам в этом мире дали, | В другом покой вы обрели» (3), «Вы не ушли, хоть преданы земле, | Вы вечно живы в памяти любимых!» (4), «Вы ушли из жизни, а из сердца нет» (5), «Зачем судьба была жестока, | Как рано вы ушли от нас» (24). Надписи, адресованные трем умершим и более или написанные от их лица, в натуральных обследованиях кладбищ не встретились.

Наиболее распространенной формой обозначения позиции «мертвых» является местоимение **ты** «Любим тебя, гордимся тобой, | И в памяти нашей всегда ты живой» (10), которое иногда поддерживается в текстах атрибутами с притяжательным определением **твой** «Мы можем в смерть твою не верить, | Ты с нами будешь навсегда» (8). Менее частотны в эпитафиях формы дейктических показателей **он** и **тот** «ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА» (2), «Кто дорог, тот не умирает, | Он с нами просто жить перестает» (9), «Он жить спешил, не ведал страха» (28), «Тому, кто дорог был / при жизни, | от тех, кто любит и скорбит» (38).

Портрет собеседника из мира мертвых трехсторонне проработан – складывается из социальных, эмоциональных и внешних признаков. Социальные черты образа угадываются в гендерной принадлежности покойных. В корпусе эпитафий находим посвящения лицам **женского** пола «Мы тебя как живую | Будем вечно любить...» (16), «При жизни с нами ты была так мало!» (26), «Ушла от нас ты слишком рано» (50) и **мужского** пола «А ты стоишь перед глазами, | Живой, с улыбкой на устах» (1), «Доброту и любовь ты оставил живым» (6), «И в памяти нашей всегда ты живой» (10), «погиб любимый и родной»

(15), «Мы тебя как живого | Будем вечно любить» (17), «Не верим мы, что ты ушёл так рано» (18), «Ты жизнь любил, спешил, не ведал страха» (22) и т.д., среди которых мужские явно преобладают.

Мужские и женские позиции могут быть вписаны в семейный круг – ср. **родной** «Спи спокойно, любимый, родной» (34), **родная** «Очень трудно, родная, | Без тебя нам прожить» (14), «Прости, родная, нас, Прости...» (31), «Ты нас покинула, родная» (44–46). Но конкретный семейный статус подчеркивается только по отношению к мужскому полу: **сын** «НЕПРАВДА!!! | СЫН НЕ УМИРАЕТ!!!» (21), **сыночек** «Любовь к тебе, родной сыночек, | Умрёт лишь вместе с нами» (12), «Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет» (27), «Спи спокойно сыночек родной» (35), «Сыночек милый наш, прости» (36), **отец** «К тебе, отец, приходим на свиданье» (41), **папочка** «Тебя наш папочка любимый | Мы не забудем никогда!!!» (29).

Чем объяснима такая сосредоточенность на мужском портрете? Как минимум несколькими причинами. Исторической традицией: с давних времен развернутые посмертные посвящения писались прежде всего мужчинам как представителям образованного слоя, политической элиты, духовного сословия или участникам войны [7. С. 58–119]. Современной российской демографией: мужская смертность превышает женскую, начиная с десятилетнего возраста (см., например, данные последних лет [8. С. 23, 29–30]). Нельзя, как кажется, умалять и значение маскулинности как весомого социально-нормативного конструкта в некоторых сферах жизни российского общества, например, в области социальных действий, свершений и достижений, способных нести назидательную функцию для потомков. Добавим к этому перечню и особенную женскую черту благоустраивать и украшать жилище и место упокоения человека. Если учитывать, что эпитафия – элемент декора памятника, можно предполагать, что задействованность женщин в выборе или составлении текста очень высока.

Но все-таки решающую роль, представляется нам, играет свойственная в большей степени женщинам вера в загробную жизнь и, как следствие, обращение к диалогу с умершими. Об этом, в частности, свидетельствуют мужские и женские ответы на вопрос Фонда общественного мнения о вере в загробную жизнь в эксперименте³ 2014 г. [9] (рис. 2).

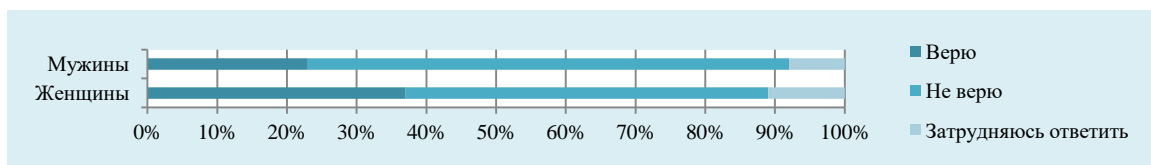

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Многие люди верят в загробную жизнь, жизнь после смерти. А лично Вы верите или не верите в загробную жизнь?»

Как бы то ни было, выявленная закономерность – содержательный уклон эпитафий в сторону маскулинности – является актуальной не только для реальности кладбищенского пространства: она проявляет себя и в виртуальном пространстве похоронной сферы. Так, на сайте «ЕПИТАФИИ.RU» (по завышенной

оценке создателей – «самом полном в интернете собрании эпитафий на русском языке») статистика эпитафий для разных лиц имеет следующий вид: мужу – 114, мужчине – 122, жене – 111, дочери – 72, сыну – 71, женщине – 64, маме – 60, родителям – 57, отцу – 49 [ЕПИТАФИИ.RU]. А на сайте Epitafija.ru (гораздо бо-

лее обширном, чем предыдущий) количественное преобладание эпитафий для мужчин еще более заметно: *сыну* – 1 559, *брату* – 1 539, *мужу* – 1 526, *парню* – 1 526, *отцу* – 1 518, *мужчине* – 1 507, *папе* – 1 407, *дедушке* – 1 508, *дочери* – 1 308, *маме* – 1 305, *девушке* – 1 288, *жене* – 1 286, *сестре* – 1 281, *женщине* – 1 280, *бабушке* – 1 274 [Epitafija.ru].

Продолжая характеристику социального портрета «мертвых», отметим, что особое место в нем отводится прижизненному моральному облику и общественно значимым качествам: «**ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА | ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС, | КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА**» (2), «**Любим тебя, гордимся тобой**» (11), «**Делаю твоим – вечная память**» (13), «**Ты жизнь любил, спешил, / не ведал страха. | Добился в жизни всего сам. | Работе и семье ты посвятил / себя недаром. | Оберегая нас, для нас ты жив / в сердцах**» (22), «**Добрым парнем ты был на земле**» (35), «**Ты был для нас пример для подражания, | Мы и сейчас живем сверяясь по тебе**» (41), «**Ты всех любил, и песни пел, | В семье надежда и опора**» (42), «**Ты жизнь свою прожил достойно**» (43). Благодаря этим чертам создается контур сугубо положительного образа, хоть и предельно обобщенного. Он идеален для рядового носителя общественной морали, но предъясняется ему как возможный, потому что был воплощен в реальности. Тем самым посредством эпитафий сохраняются и транслируются нормы и ценности общества в области морально-нравственного сознания.

С точки зрения устойчивых эмоциональных состояний прижизненный портрет усопшего практически «монохромнен»: главное чувство по отношению к окружающим – **любовь**: «**Вы вечно живы в памяти любимых!**» (4), «**Доброту и любовь ты оставил живым**» (6). Добавить к этому можно лишь позитивное мировосприятие, выраженное в осмысленном отношении к каждому моменту жизни «**Ты жизнь любил, спешил**» (22) или творческой активности: «**Ты всех любил, и песни пел**» (42). (Собственно и в обращении к покойному тоже звучат интонации любви и душевной близости: «**Не слышно голоса родного**» (22), «**Бесконечно родной. Пускай, дорогой | <...> | Ничто не тревожит | Твой вечный покой...**» (33), «**Любимый нами человек**» (43)).

В прижизненной внешности «мертвых» акцентируются **взгляд** и **улыбка**: «**Нам не забыть твоей улыбки и взгляд открытый, озорной**» (15), «**Не видно добрых милых глаз**» (22). Все прочие внешние приметы подаются в обобщенной эстетической характеристике: «**ВСЁ БЫЛО В НЁМ – | ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА**» (2).

Особенным образом в фольклорных эпитафиях ведется разговор о смерти. Особенным – потому что прямые названия кончины в текстах явление редкое: «**погиб любимый и родной**» (15), «**Приходит смерть в расцвете сил и лет**» (27). Тем более, что в некоторых случаях они подаются в форме отрицания: «**Мы можем в смерть твою не верить**» (8), «**Кто дорог, тот не умирает**» (9), «**СЫН НЕ УМИРАЕТ!!!**» (21). Напротив, тематическая группа лексем жизненного плана достаточно активна – **жизнь**¹⁸, **живой**¹⁵, **жить**¹⁰. (В этом смысле фольклорные эпитафии рез-

ко отличаются от литературных, в которых слово *жизнь* по частотности уступает слову *смерть* – см. [7. С. 143].)

Иносказательными обозначениями смерти в письменном фольклоре служат слова и словосочетания **уйти** «**Ушли, оставив след печали**» (3), «**Не верим мы, что ты ушёл так рано**» (18), «**Уходят туда, где есть город – мечта**» (49), **уйти из жизни** «**Вы ушли из жизни**» (5), **уйти от нас** «**Как рано ты ушел от нас**» (23), **нет** «**Та жизнь, в которой тебя сыночек больше нет**» (27), «**Тебя уж нет**» (37), **покинуть нас** «**Ты нас покинула, родная**» (44). Наряду с метафорами ухода и отсутствия встречаются образы смерти как сна: «**Спи спокойно, любимый, родной**» (34), «**В безмолвном мире спи спокойно**» (43).

Среди видов смерти в эпитафийном дискурсе широко акцентируется преждевременная смерть: «**Как жаль, что твоя жизнь | Была такой короткой**» (7), «**Не верим мы, что ты ушёл так рано**» (18), «**При жизни с нами ты была так мало!**» (26), «**Приходит смерть в расцвете сил и лет**» (27). Имеются указания на смерть в результате обстоятельств, не предотвращенного характера: «**Никто не смог тебя спасти**» (25), «**Прости, что не смогли помочь. | Прости, что не смогли спасти**» (30), «**Ушла от нас ты слишком рано, | Мы не смогли тебя спасти**» (50), а также упоминание о случайной смерти: «**Из-за случайности нелепой погиб любимый и родной**» (15).

Посмертная ипостась покойного соотносится с **душой** «**И только душа твоя чистая с нами**» (13), «**И где ангел душу излечит**» (49), а память о нем живет в виде образа-воспоминания «**А ты стоишь перед глазами, | Живо, с улыбкой на устах**» (1), «**Но светлый образ твой родной, | Мы будем помнить постоянно**» (25), «**Светлый образ твой свято храним**» (34). Хотя отмечаются и материализованные воплощения посмертной сущности: «**Теперь для вас я ветром стану, | березкою, травинкою, цветами**» (51).

Значимым атрибутом умершего является свет и сияние, символическое значение которых отсылает к идее святости: «**ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС, | КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА**» (2), «**И только душа твоя чистая с нами, | Ты ей озаряешь наш жизненный путь**» (13), «**Светлый образ твой свято храним**» (34).

В заключении остановимся на двух моментах.

1. Денотативные смыслы фольклорных эпитафий открывают взгляд на специфику пространственно-временной организации и образов субъектов. Так, пространственные координаты задаются оппозициями *земля – небо* и *этот мир – тот мир*. Движение времени вписано преимущественно в линейную протяженность и эпизодически подается витально. Основными субъектами коммуникации выступают «живые» и «мертвые» при том, что содержательный уклон обращен в сторону «мертвых». Они имеют социальные, эмоциональные и внешние характеристики, а также атрибутируются со стороны вида смерти, посмертной ипостаси и ее признаков. «Живые» же устаиваются только когнитивно-психологического портретирования.

Качества денотативного пространства фольклорных эпитафий позволяют судить о его категорийных связях с ментальным пространством, открывающимся за символическими смыслами лексики и фразеологии

носителей традиционной культуры. Однако в денотативном пространстве письменного фольклора меньше компонентов, чем в символярности вербального кода похорон в деревне: все-таки эпитафия – это лапидарный жанр, не способный конкурировать по объему с речевым корпусом лексических единиц. И потом, малокомпонентность, связанная с типичностью и узнаваемостью знаков, может являться следствием «тематической и эстетической интернациональности» городских текстов [10. С. 74].

Денотативное пространство текста сопрягается с другими уровнями содержания – эмотивным и концептуальным. В эмотивном пространстве эпитафийных текстов сензитивность «живых» характеризуют *любовь, скорбь, печаль, гордость, тоска, вина, горе, боль, рана, мука, слезы*, а «мертвых» – только *любовь* – чувство, преодолевающее смерть. Все эмотивные смыслы подаются прямо, без «художественной обертки», что еще раз говорит о регулятивной функции текстов, заключающейся в идентификации и принятии чувств, связанных с потерей близкого. А также эксплицирует картину мира их «переписчиков». Ведь любая народная культура (и деревенская, и городская) живет суевериями – постольку о неблагоприятии или эмоциональной неудовлетворенности покойных на «том свете» не говорят.

На концептуальном уровне обращает на себя внимание символика, запечатленная в кладбищенских текстах. Проявляясь в тематических полях «пространство», «время», «субъект», она включает следующие лингвокультурные знаки: *ангел, береза, ветер, вечность, город, дверь, дом, душа, живые, жизнь, звезда, земля, мертвые, могила, небеса, покой, свет, слезы, смерть, сон, тот мир, трава, уход, цветом, этот мир*. Их спаянность определяется вхождением в семантические оппозиции *земля – небо, этот – тот, живой – мертвый, жизнь – смерть, светлый – темный*.

В этом символическом пространстве обнаруживают себя семантические категории культуры, имеющие архетипические основания. Универсалии являются принципиальной чертой письменного фольклора, поскольку позволяют ему «пронизывать» разные социальные группы и, таким образом, служить для удовлетворения их потребностей в пределах похоронно-поминальной практики.

Однако текстовый «заряд» указанных символов неодинаков. Ядерная лексика статистического измерения текстов, развернутость эмотивного содержания, а также тематическая разработанность субъектной категории подсказывают, что стержневой основой эпитафий является категория «*живые и мертвые*». Остальная символика нанизана на эту основу и способствует ее концептуализации в текстах. Прибавим к этому, что сам феномен кладбищенской эпитафии призван обслуживать посмертную коммуникацию между покойным и живыми.

Закономерно, что концептуальное пространство письменного фольклора отлично от литературных эпитафий. В частности, доминантные концепты русской поэтической эпитафии XIX – XX вв., описанные Т.С. Царьковой [7. С. 120–181], проявляются в фольклорных текстах менее концентрировано, чем оппозиция «живых и мертвых» – *смерть, жизнь, память*,

либо не проявляются вообще – *памятник*. В этих отличиях видится разность мировоззрения создателей текста – народа, поддерживающего эпитафийной ритуальностью похорон, и поэта, обращенного к философии смерти.

С другой стороны, пересекающиеся лингвокультурные знаки фольклорных и литературных эпитафий обладают разными семиотическими характеристиками. Например, в рассматриваемом фольклорном материале не находит эквивалента такая символика, как *смерть – свадьба, смерть – жених, смерть – гроб, Царство Небесное – пир, гроб – дом, могила – колыбель*. Напротив, метафоры *смерти – могилы, того света – города, нового дома – дома на небесах* являются сквозными для авторских и народных произведений.

2. Описанные смысловые категории фольклорных эпитафий воспроизводят главным образом христианскую модель мироздания с его трехчастной пространственной структурой, линейностью времени, посмертной жизнью души и ее способностью к сиянию. Вкрапления языческой природы в выявленной картине практически незаметны – разве что однократно указанные повторяемость времени и возможность возвращения в мир в иных ипостасях.

Христианская модель характерна для данного жанра. Не только потому, что является сегодня одной из наиболее распространенных среди мировоззренческих идеологий. Еще потому, что истоки русской стихотворной эпитафии лежат в литературной поэзии: проникновение жанра на отечественную почву осуществлялось благодаря образованным слоям общества [7. С. 24, 58–119]. Эпитафийная лирика, изначально связанная с церковной и светской книжностью, не могла развиваться в рамках иного канона, нежели христианского. При этом же, как любое «живое» явление, не могла и отступать от него с оглядкой на актуальное времени мировоззрение людей, так или иначе прикоснувшихся к тексту.

Христианская идеология воплощается в фольклорных эпитафиях как «*позитивная вера*». В текстах отнюдь не решается вопрос о посмертной участи покойного, а преподносится мысль о благополучной загробной судьбе лежащего в могиле. Можно предположить, что позитивный взгляд на жизнь после смерти есть результат народного чаяния о Царствии Небесном для каждого, кто не является злым грешником в представлениях родных и близких. Однако сама эпитафия – уже знак достойной личности. Поэтому упоминание в ней об аде лишило бы смысла общий посыл скорбящих, действовало бы устрашающе на посетителей кладбища или расценивалось как нарушение запрета «говорить плохо», влекущего за собой беды и горести в жизни «живых» и «мертвых».

Однако же и рай прямо не называется в текстах. Эвфемизированные названия священного небесного пространства дают возможность понять, что прописывание собственных чаяний о блаженном существовании души умершего имеет значение дерзостного поступка – «слишком откровенно и нескромно выражает притязания, прямо заявляемые еще до Божьего суда» [7. С. 162].

«Центрирование» эпитафий по ориентирам христианской модели отражает, видимо, современное

состояние письменного фольклора. Как можно судить по наблюдениям Л. К. Ильинского над могильными надписями в Казани, неканонические истолкования христианских символов и древние, восходящие к язычеству, образы в посвящениях XIX – начала XX в. были более заметны: «[Э]то миросозерцание имеет в своей основе официальное учение церкви не в чистом виде, а пропущенное сквозь призму понимания отдельных классов, здесь оно высказано при освещении того глубокого чувства печали, которое окрашивает его в разнообразные цвета. Я бы не решился прямо утверждать, что в данном случае мы имеем дело с

влиянием апокрифов, сказок, но материализацию отвлеченных понятий мы встречаем» [1. С. 359–360].

В конце статьи заметим, что выявленные черты фольклорных эпитафий могут быть вполне актуальными и для иных жанров городского танатологического дискурса. Например, некрологов или интернет-кондоленций, о связи с которыми кладбищенских надписей упоминалось ранее. А одна из последних публикаций И.А. Седаковой демонстрирует, что и семантическое пространство болгарских уличных листов-некрологов тоже очень близко русскому похоронному фольклору [11]

Принятые сокращения географических названий

Бер. – Березники, Добр. – Добрянка, Кунг. – Кунгур, Сол. – Соликамск, Ус. – Усьелье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То же относилось бы и к художественным (литературным) текстам с исходной эпитафийной функцией, которые отличаются от наивных произведений высокой поэтической техникой. Однако образцы таких текстов в провинциальном кладбищенском пространстве нам не встретились.

² Следует отметить, что в эпитафиях животным, нормативно более «разбалансированных», проследить языковую репрезентацию подземного пространства возможно – см. надпись на могильной плите русскому той-терьеру на одном из пермских кладбищ домашних животных: «ГВОЗДИЧКА / ЛИЛУ / 01.01.2011 / 04.05.2014 / ТОТ, КТО ЛИШИЛ / ТЕБЯ ЖИЗНИ / БУДЕТ ГОРЕТЬ / В АДУ / ЛЮБЛЮ И ПОМНЮ ТЕБЯ, / МОЯ ДЕВОЧКА, ВЕЧНО!».

³ Участниками эксперимента были 1 500 респондентов из 100 населенных пунктов в 43 субъектах РФ [9].

ИСТОЧНИКИ

ЭПИТАФИИ.RU. URL: <http://epitafii.ru/p/na-pamyatnik.html> (дата обращения: 19.03.2020).

Epitafija.ru. URL: <https://epitafija.ru/> (дата обращения: 19.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинский Л.К. Поэзия кладбища (Из наблюдений над могильными надписями Казанского Арского кладбища) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXVI. 1910. Вып. IV. С. 359–377.
2. Аверинцев С.С. Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981. С. 15–46.
3. Ревякина Н.П. Танатологический дискурс эпитафии (прагмалингвистический аспект): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д: ДГТУ, 2019. 164 с.
4. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
6. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 437 с. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
7. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX вв. Источники. Эволюция. Поэтика. СПб.: Русско-Балтийский информационный Центр БЛИЦ, 1999. 200 с.
8. Женщины и мужчины России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 241 с.
9. Жизнь после смерти // Фонд общественного мнения. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11796> (дата обращения: 19.03.2020).
10. Секачева Е.Р. Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в. // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5). С. 67–74.
11. Седакова И.А. Болгарские печатные листки-некрологи как тексты: традиции и инновации // Живая старина. 2018. № 1 (97). С. 2–6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 января 2021г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фольклорные тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

1. А ты стоишь перед / глазами,
Живой, с улыбкой на / устах.
Нет! Нет! Всегда ты / вместе с нами,
И будешь жить у нас в / сердцах. (Бер.)

2. ВСЁ БЫЛО В НЁМ –
ДУША, ТАЛАНТ И КРАСОТА.
ИСКРИЛОСЬ ВСЁ ДЛЯ НАС,
КАК СВЕТЛАЯ МЕЧТА.
НАШУ БОЛЬ НЕ ИЗМЕРИТЬ

И В СЛЕЗАХ НЕ ИЗЛИТЬ.
МЫ ТЕБЯ, КАК ЖИВОГО
БУДЕМ ВЕЧНО ЛЮБИТЬ. (Кунг.)

3. Вы жизнь нам в этом / мире дали,
В другом покой / вы обрели.
Ушли, оставив след / печали,
Порывы скорби и / тоски. (Добр.)

4. Вы не ушли, хоть преданы земле,
Вы вечно живы в памяти любимых! (Добр.)

5. Вы ушли из жизни, / а из сердца нет (Кунг.)

6. Доброту и любовь ты оставил живым –
Сколь б лет ни прошло –
Любим, помним, скорбим... (Сол.)
7. Как жаль, что твоя жизнь
Была такой короткой.
Но вечной будет память о тебе. (Сол., Добр.)
8. Как трудно / подобрать слова,
Чтоб ими нашу / боль измерить.
Мы можем в смерть / твою не верить,
Ты с нами будешь / навсегда (Кунг.)
9. Кто дорог, тот не умирает,
Он с нами просто жить / перестаёт. (Бер.)
10. Любим тебя, гордимся тобой,
И в памяти нашей всегда ты живой. (Добр.)
11. «Любим тебя, гордимся тобой
И в памяти нашей всегда ты живой.» (Бер.)
12. Любовь к тебе, / родной сыночек,
Умрёт лишь вместе / с нами.
И нашу боль, и нашу / скорбь
Не выразишь словами... (Сол.)
13. Мы знаем, тебя невозможно вернуть,
Делаю твоим – вечная память,
И только душа твоя чистая с нами,
Ты ей озаряешь наш жизненный путь. (Бер.)
14. Мы приходим сюда,
Чтоб цветы положить
Очень трудно, родная,
Без тебя нам прожить. (Кунг.)
15. Нам не забыть твоей улыбки / и взгляд от-
крытый, озорной.
Из-за случайности нелепой / погиб любимый и
родной. (Добр.)
16. Нашу боль не измерить
И в слезах не излить,
Мы тебя как живую
Будем вечно любить... (Сол.)
17. Нашу боль не измерить
И в слезах не излить.
Мы тебя как живого
Будем вечно любить. (Сол.)
18. Не верим мы, что ты ушёл / так рано.
В мир иной, где суждено / всем быть.
И в сердце боль / от нестерпимой раны,
которую ничем не излечить. (Кунг.)
19. Не выразишь словами / всей скорби и печали,
В сердцах и памяти / всегда ты с нами. (Сол.)
20. НЕ ВЫРАЗИТЬ СЛОВАМИ
ВСЕЙ СКОРБИ И ПЕЧАЛИ
В СЕРДЦАХ И ПАМЯТИ
ТЫ С НАМИ (Кунг.)
21. НЕПРАВДА!!!
СЫН НЕ УМИРАЕТ!!!
ОН, ПРОСТО,
ВМЕСТЕ С НАМИ
НЕ БЫВАЕТ... (Ус.)
22. Не слышно голоса родного,
Не видно добрых милых глаз.
Ушёл так рано, не простившись
И не сказавши слова нам.
Ты жизнь любил, спешил, / не ведал страха.
Добился в жизни всего сам.
Работе и семье ты посвятил / себя недаром.
Оберегая нас, для нас ты жив / в сердцах. (Бер.)
23. Не слышно / голоса родного
Не видно добрых, / милых глаз.
Зачем судьба была / жестока?
Как рано ты ушел / от нас. (Кунг.)
24. Не слышно голосов родных,
Не видно добрых милых глаз.
Зачем судьба была жестока,
Как рано вы ушли от нас. (Бер.)
25. Никто не смог / тебя спасти
Ушел из жизни / очень рано,
Но светлый образ / твой родной,
Мы будем помнить / постоянно. (Добр.)
26. Одним цветком / земля беднее стала,
Одной душой / богаче стали небеса.
При жизни с нами / ты была так мало!
Но память о тебе / в сердцах у нас всегда...
(Кунг.)
27. О, как безжалостно как / беспредельно глупо
Приходит смерть в / расцвете сил и лет
Какой становится / невыносимой мукой
Та жизнь, в которой / тебя сыночек / больше нет
(Кунг.)
28. Он жить спешил, не ведал страха,
Добился в жизни сам всего.
А если в чём-то был не прав,
Прости, Господь, грехи его... (Добр.)
29. Осталась память / – но она не лечит,
Остались дети, / внуки.. и жена.
Тебя наш папочка / любимый
Мы не забудем никогда!!! (Кунг.)
30. Прости, что не смогли помочь.
Прости, что не смогли спасти
Сто тысяч раз тебе за все
прости, прости, прости... (Добр.)
31. Прости, что не / смогли помочь
Прости, что не / смогли спасти
Сто тысяч роз / тебе за всё
Прости, родная, / нас, Прости... (Кунг.)
32. Скорбим, что жизнь
была короткой,

но вечной будет
память о тебе (Кунг.)

33. Скорбим и помним...
Мы любим тебя,
И душою, и сердцем,
Мы любим тебя,
Бесконечно родной.
Пуškai, дорогой
За небесною дверцей
Ничто не тревожит
Твой вечный покой... (Кунг.)

34. Спи спокойно, любимый, родной.
Светлый образ твой свято храним.
В безутешной печали земной,
Любим, помним тебя и скорбим. (Кунг.)

35. Спи спокойно / сыночек родной.
Светлый образ твой / свято храним.
Добрый парнем / ты был на земле,
Помним, любим тебя / и скорбим. (Кунг.)

36. Сыночек милый наш, прости
За все земные твои муки.
Прости, что нет тебя, а мы живем,
Глотая слезы горькие разлуки. (Бер.)

37. Тебя уж нет, а мы не верим,
В душе у нас ты навсегда.
И боль свою от той потери
Не залечить нам никогда. (Сол.)

38. Тому, кто дорог был / при жизни,
от тех, кто любит и скорбит (Кунг.)

39. Тому, кто дорог был при / жизни, от тех, кто
любит / и скорбит. (Сол.)

40. Тому, кто дорог / был при жизни,
От тех, кто помнит / и скорбит... (Сол.)

41. Ты был для нас пример для подражания,
Мы и сейчас живем сверяясь по тебе.
К тебе, отец, приходим на свиданье
Советоваться в счастье и беде. (Бер.)

42. Ты всех любил, / и песни пел,
В семье надежда / и опора.
Мир почернел, / свет потускнел,
И безутешно / наше горе! (Кунг.)

43. Ты жизнь свою прожил достойно,
Оставив память нам на век.
В безмолвном мире спи спокойно
Любимый нами человек. (Бер.)

44. Ты нас покинула, родная.
Настал разлуки скорбный час.
Но всё по-прежнему живая,
Ты в нашем сердце, среди нас (Сол.)

45. Ты нас покинула, Родная,
Настал разлуки скорбный час.
Но Ты по-прежнему живая,
Ты в нашем сердце, среди нас. (Добр.)

46. Ты нас покинула, / родная,
Но всё по-прежнему / живая,
Ты в нашем сердце, / среди нас... (Сол.)

47. Ты не уйдешь
из жизни нашей,
пока мы живы –
с нами ты! (Бер.)

48. ТЫ УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ / СЛИШКОМ РАНО
НАШУ БОЛЬ / НЕ ВЫРАЗЯТ СЛОВА
СПИ, РОДНОЙ, / ТЫ НАША БОЛЬ И РАНА
ПАМЯТЬ О ТЕБЕ / ВСЕГДА ЖИВА... (Кунг.)

49. Уходят туда, где / есть город – мечта
И где ангел / душу излечит,
Где горит та звезда / и ведёт туда
Там где жизнь под / названием вечность. (Кунг.)

50. Ушла от нас ты слишком рано,
Мы не смогли тебя спасти.
Осталась в сердце боль и рана
Пока мы живы – с нами ты. (Сол.)

51. Я вас любил, / я жизнь любил,
но не моя вина, / что мало жил.
Теперь для вас / я ветром стану,
березкою, травинкою, / цветами.
Погладь их мама, / это я, навек с тобою / боль
твоя. (Кунг.)

Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является вторичной

52. А в час, когда мой след
во всех сердцах сотрется,
лишь в этот страшный час
скажи, что умер я. (Добр.)

53. «Ветер тихонько колышет,
гнёт барбарисовый куст.
Парень уснул и не слышит
Песни сердечную грусть.» (Бер.)

54. Дорогая мамуля,
тебе и в бурю, и в метель,
она и крыша, и постель. (Бер.)

55. Дороги строим мы, но вот беда
Дороги все приводят нас сюда. (Бер.)

56. Жаль, что жизнь нельзя повторить,
Чтоб тебе ее подарить. (Сол.)

57. И даже за гранью смертельного круга,
Я знаю, с тобой не расстанемся мы,
Мы память, мы память,
Мы вечная память друг друга... (Кунг.)

58. И МЫ ЗНАЕМ ЧТО
ТАК БЫЛО ВСЕГДА
ЧТО СУДЬБОЮ БОЛЬШЕ ЛЮБИМ
КТО ЖИВЕТ ПО ЗАКОНАМ ДРУГИМ
И КОМУ УМИРАТЬ МОЛОДЫМ
В. ЦОЙ (Сол.)

59. Как много вас и как вас мало,
Любимых, близких и родных.
Меня вчера уже не стало
Средь вас сегодняшних / живых. (Кунг.)

60. Не говорите обо мне / что я «была»
Не говорите обо мне / что я «жила»
Не говорите обо мне / что «умерла»
Ну, а скажите просто / что «ушла».
Ушла искать цветы
Ушла дышать полями
Ушла все радуги / земные собирать
Вы только в это верьте! / верьте сами!
Я вечно с вами
Вы только в это верьте, / верьте сами... (Кунг.)

61. Не смейте забывать учителей!
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей! (Добр.)

62. Опустела / без тебя / земля... (Кунг.)

63. Отец погиб на поле брани,
Война полвека, как прошла.
Но мать с времен тех давних
Еще жила, еще ждала.

Не ведал он про вдовью старость,
И в нем, с минуты смертной той,
Она, как светлый сон, осталась
Далекой, милой, молодой (Добр.)

64. От правды к Тайне – / лёгкий миг один.
Испей полнее молодость / и радость
Дыханье жизни – / лёгкий миг один. (Кунг.)

65. **О, Я ХОЧУ БЕЗУМНО ЖИТЬ:**
СЧАСТЛИВЫМ БЫТЬ,
ДЫШАТЬ, ЛЮБИТЬ,
ДЕРЗАТЬ, ТВОРИТЬ,
НЕСБЫВШЕЕСЯ – ВОПЛОТИТЬ
НО... НЕТ МЕЧТАМ МОИМ ВОЗВРАТА
НЕ ОБНОВЛЮ ДУШИ МОЕЙ...
**Я ВАС ЛЮБЛЮ ЛЮБОВЬЮ БРАТА
А МОЖЕТ БЫТЬ ЕЩЕ СИЛЬНЕЙ!** (Кунг.)

66. Поздно о чем-то думать, / слишком поздно.
Мне кажется потухло солнце.
Прости меня моя любовь. (Сол.)

67. Похоронки тех дней / до сих пор душу ранят.
Лица их берегут, / вдовьи горькие сны.
Имена их хранит / наша общая память.
В майский вечер / я вновь к обелиску приду.
Поклонюсь до земли, / слез своих не скрывая...
Перед подвигом павших / я вечно в долгу.
За одно лишь за то, / что Россия живая. (Добр.)

68. СЕЙЧАС ТЫ / ЗА ТАИНСТВЕННОЙ
ЧЕРТОЙ, КОТОРУЮ ЖИВЫМ / НЕ ПЕРЕСЕЧЬ,
НО ТАК ЖЕ ВСЁ ЛЮБИМЫЙ /
И РОДНОЙ... (Добр.)

69. ...Твой образ будет / нарисован в облаках,
Ты будешь вечно в нашем / сердце и у неба на
руках... (Кунг.)

70. **ТЫ ЯРКО ЖИЛ... И ТАК,
КАК ТЫ СВЕТИТЬ –
НЕТ, НИКОМУ ЕЩЕ
НЕ УДАВАЛОСЬ!**

О, ГОСПОДИ!...
И ЭТО ПЕРЕЖИТЬ...
И СЕРДЦЕ НА КЛОЧКИ
НЕ РАЗОРВАЛОСЬ... (Добр.)

71. “Учитель! Перед именем твоим
позволь смиренно преклонить колени!” (Ус.)

72. Я не хочу, чтоб свет узнал
мою таинственную повесть,
Как я любил, за что страдал
Кому судья лишь Бог да совесть! (Сол.)

73. Я ушел, подчинившись / естеству.
Но тысячи дум в моей / душе вмещалось.
Одна из них погасла – / что за малость?!
Я в множестве / оставшихся живу. (Кунг.)

Авторские тексты, для которых эпитафийная функция является исходной

74. В ДВЕРИ / ТЫ УЖЕ / НЕ ПОСТУЧИШЬСЯ.
И В ОКНО / НЕ ВЫСМОТРЕТЬ / ТЕБЯ...
АНГЕЛОМ / В КАКИЕ ВЫСИ / МЧИШЬСЯ
МОЙ СЫНОК – / КРОВИНОЧКА МОЯ (Кунг.)

75. Внезапно землю ты оставил,
Ушел от нас ты навсегда.
Тебя, любимый, помнить будем
Таким, каким ты был всегда. (Кунг.)

76. Внезапно ты ушел из жизни
И нет тебя средь нас теперь,
Но в сердце боль не утихает
У близких, любящих людей. (Кунг.)

77. Еще одно сердце разбито,
Сломалась амура стрела.
Еще одна тайна раскрыта –
Судьба нас с тобой не свела. (Добр.)

78. За окном сентябрь,
И птицы тянут к югу,
В осенний листопад
Я потерял подругу.
По жизни не лететь
Нам милой парой вместе,
Оборвалась судьба
Вдруг лебединой песней. (Кунг.)

79. И я останусь / между вами,
На равных / с вами говоря,
Храни вас Бог, / молва и память
И боль / последнего стиха. (Сол.)

80. Любимый муж, отец и добрый дед,
Скорбим, что рядом тебя с нами нет..
В сердцах живет твой образ дорогой..
Всегда ты в памяти останешься, родной.. (Кунг.)

81. НА ТЕБЯ / НАГЛЯДЕТЬСЯ / НЕ МОЖЕМ
РЫЖИЙ ЧУБ, / ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА
ГАРМОНИЧНО, / СПОРТИВНО / ТЫ СЛОЖЕН
МОЛОДОЙ И КРАСИВЫЙ / ВСЕГДА. (Кунг.)

82. Никто не смог / тебя спасти
в смертельный час / твоей судьбы.
Пусть вздрогнуть те, / кто виноват,
и вспомнят те, / кто не причастен.
А мы скорбим / и помнить будем вечно,
пока стучат наши сердца. (Бер.)

83. Твою потерю не восполнить
Мы покорились тягостной / судьбе
Пока живем, тебя мы будем / помнить
Скорбим мы будем,
Любимый, о тебе (Добр.)

84. Тишина как в раю.
Помолюсь на кресты.
На могилу мою –
положите цветы. (Кунг.)

85. Ты был геолог, / им остался
И в этом камне / жизнь твоя.
Стоять он будет / вечно, папа,
Скорбим и помним / мы тебя! (Добр.)

86. Ты жизнь свою прожил достойно,
Всегда добро творить спешил,
Мы не забудем образ светлый,
Величие твоей души. (Добр.)

87. Покинул я любимые края
Такого в жизни не было и в плане
Чтоб оставалась без отца моя семья (Кунг.)

88. ПОКОЙСЯ С МИРОМ.
МЫ СКОРБИМ И ПОМНИМ
О ТЕБЕ, РОДНОЙ.
МЫ ВСЕ РАВНО
ТЕБЯ ЖИВЫМ ЗАПОМНИМ
ДОБРЫМ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ,
ЛЮБИМЫМ. (Кунг.)

89. ПРОХОДЯТ ДНИ, / ПРОЙДУТ ГОДА,
ВСЁ ТАКЖЕ / СОЛНЦЕ СВЕТИТ,
ЩЕБЕЧУТ ПТИЦЫ / В НЕБЕСАХ,
НО НЕТ ТЕБЯ / НА СВЕТЕ...

СПОКОЙНО СПИ / СЫНОЧЕК НАШ,
РОДИМЫЙ, / МИЛЫЙ ВНУЧЕК.
ЛУЧОМ ТЫ СОЛНЕЧНЫМ / ДЛЯ НАС
ВСЕГДА БЫЛ, ЕСТЬ / И БУДЕШЬ. (Кунг.)

90. Я уходя, / оставлю память
И память будет жить в сердцах
Пусть вспомнят / добрым словом
И с искренней / слезой в глазах (Кунг.)

Stylistic and Semantic Features of Epitaphs (Based on Texts of Provincial Cemeteries in Perm Krai). Part II

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 466, 16–27.

DOI: 10.17223/15617793/466/2

Liliya M. Panteleeva, Solikamsk State Pedagogical Institute, Branch of Perm State National Research University (Solikamsk, Russian Federation). E-mail: liliya_pant@mail.ru

Keywords: linguoculturology; urban culture; death; epitaph; written folklore; denotative space; concept.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and Perm Krai, Project No. 19-412-590001.

The second part of the article describes semantic features of folklore epitaphs – the most numerous collection in the corpus of poetic inscriptions, which is based on field surveys of Perm cemeteries. The denotative space of folklore epitaphs has undoubted significance for characterizing the mental categorization of the world among representatives of urban culture since it reveals the worldview of city dwellers in the field of eschatological issues. The analysis of the denotative content of folklore epitaphs comes down to the identification of textual universals – “space”, “time”, “person”. The procedure for their characterization involves the definition and semiotic interpretation of the circle of vocabulary with the corresponding denotation – spatial, temporal, subjective. The analysis of the material showed that the spatial coordinates of the folklore epitaphs are set by the oppositions *earth – sky* and *this world – that world*. The movement of time is predominantly inscribed in a linear extent and is occasionally delivered vitally. The main subjects of communication are the “living” and the “dead” despite the fact that the content bias is towards the “dead”. The “dead” have social, emotional and external characteristics, and are also attributed to the type of death, the posthumous hypostasis and its signs. The “living” are only awarded cognitive-psychological portraiture. The denotative space of the text is interfaced with other levels of content – emotive and conceptual. In the emotive space of epitaph texts, the sensitivity of the “living” is characterized by *love, sorrow, sadness, pride, longing, guilt, grief, pain, wound, flour, tears*, and the “dead” only by *love*. At the conceptual level, the symbolism captured in the cemetery texts attracts attention. It includes the following linguistic and cultural signs: *angel, birch, wind, eternity, city, door, house, soul, living, life, star, earth, dead, grave, heaven, peace, light, tears, death, dream, that world, grass, care, flower, this world*. Their cohesion is determined by the entry into the semantic oppositions *earth – sky, this – that, living – dead, life – death, light – dark*. However, the text “charge” of these symbols is not the same. The nuclear vocabulary of the statistical measurement of texts, the development of emotive content, as well as the thematic elaboration of the subject category suggest that the core of the epitaphs is the category of *the living and the dead*. The remaining symbolism is built on this basis and contributes to its conceptualization in texts. The described semantic categories of folklore epitaphs reproduce mainly the Christian model of the universe with its three-part spatial structure, linearity of time, the posthumous life of the soul and its ability to shine. The inclusions of pagan nature in the revealed picture are almost invisible – these are the once-indicated repeatability of time and the possibility of returning to the world in other forms.

REFERENCES

1. Il'inskiy, L.K. (1910) Poeziya kladbishcha (Iz nablyudeniya nad mogil'nymi nadpisyami Kazanskogo Arskogo kladbishcha) [(In Russian).]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii*. XXVI (IV). pp. 359–377.
2. Averintsev, S.S. (1981) *Poetika drevnegrecheskoy literatury* [Poetics of Ancient Greek Literature]. Moscow: Nauka. pp. 15–46.
3. Revyakina, N.P. (2019) *Tanatologicheskii diskurs epitafii (pragmalingvisticheskiy aspekt)* [The Thanatological discourse of the epitaph (pragmalinguistic aspect)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don: Don State Technical University.
4. Babenko, L.G. & Kazarin, Yu.V. (2005) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Uchebnik; Praktikum* [Linguistic analysis of literary text. Theory and Practice: Textbook; Workbook]. Moscow: Flinta: Nauka.
5. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
6. Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday life and mythology: Studies in the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. [Online] Available from: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (Accessed: 10.02.2020).
7. Tsar'kova, T.S. (1999) *Russkaya stikhotvornaya epitafiya XIX–XX vv. Istochniki. Evolyutsiya. Poetika* [Russian poetic epitaph of the 19th–20th centuries. Sources. Evolution. Poetics]. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy Tsentr BLITs.
8. Rosstat. (2018) *Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2018: stat. sb.* [Women and men of Russia. 2018: statistics]. Moscow: Rosstat.
9. Public Opinion Foundation. (2020) *Zhizn' posle smerti* [Life after death]. [Online] Available from: <https://fom.ru/TSennosti/11796> (Accessed: 19.03.2020).
10. Sekacheva, E.R. (2001) Gorodskoy fol'klor kak fenomen massovoy gorodskoy kul'tury nachala XX v. [Urban folklore as a phenomenon of mass urban culture at the beginning of the 20th century]. *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 3 (5). pp. 67–74.
11. Sedakova, I.A. (2018) Bolgarskie pechatnye listki-nekrologi kak teksty: traditsii i innovatsii [Bulgarian printed obituaries as texts: traditions and innovations]. *Zhivaya starina*. 1 (97). pp. 2–6.

Received: 24 January 2021